

RU

Тематика раннего творчества Владислава Авдеева

Емельянов И. С.

Аннотация. В статье анализируется раннее творчество В. И. Авдеева, русского писателя, жизнь и творчество которого связаны с Якутией. Цель исследования заключается в выявлении своеобразия тематики и проблематики ранней прозы В. И. Авдеева. В связи с этим произведения писателя исследуются в контексте нравственных и жанровых поисков в русской советской литературе 70-80-х годов XX в. В статье анализируются трансформация производственного и нравственного конфликта, тематический диапазон в повестях и рассказах писателя, созданных в это время. Научная новизна работы объясняется слабой изученностью наследия Авдеева. В статье впервые предложена его периодизация, также впервые особое внимание уделено раннему этапу, так как он во многом определил все дальнейшее творчество. Результаты научного исследования показывают, что в прозе писателя поднимались социальные и нравственные проблемы, сближающие ее с «городской» и «деревенской» литературой этого времени, производственная тематика соединялась с чертами бытописательной литературы. Заложенные в раннем творчестве тематические и жанровые предпочтения дали Авдееву возможность продолжить активную писательскую деятельность в постсоветское время.

EN

The range of themes in Vladislav Avdeev's early creative work

Emelianov I. S.

Abstract. The paper analyses the early creative work of V. I. Avdeev, a Russian writer whose life and writings are connected with Yakutia. The aim of the research is to identify the uniqueness of the range of themes and problems in V. I. Avdeev's early prose. In this regard, the writer's works are examined in the context of moral and genre searches in the Russian Soviet literature of the 1970s-1980s. The paper analyses the transformation of industrial and moral conflict, the thematic range in the writer's novels and short stories created during this period. The scientific originality of the paper is accounted for by the fact that Avdeev's heritage remains little studied. The paper is the first to suggest a periodisation of Avdeev's oeuvre, to pay special attention to the early stage, as it largely determined all his further creative work. The research findings show that the writer's prose raised social and moral problems, which brought it closer to the "urban" and "rural" literature of that time, the industrial themes were combined with the features of slice-of-life literature. The thematic and genre preferences inherent in his early writings made it possible for Avdeev to continue his active work as a writer in the post-Soviet period.

Введение

Актуальность статьи обусловлена необходимостью формирования целостного представления о развитии литературного процесса, в частности в литературе Якутии. Важной составляющей этого процесса наряду с якутской, эвенской, эвенкийской, юкагирской литературами выступает русская литература. В. И. Авдеев был одним из наиболее активно печатавшихся русских писателей Якутии на рубеже XX-XXI вв. Он является автором большого количества произведений в разных прозаических жанрах – романов, повестей, рассказов, книг для детей. В своем творчестве В. И. Авдеев запечатлел сложные и неоднозначные по результатам процессы, которые происходили в России на протяжении нескольких десятилетий от позднесоветского периода до первых десятилетий XXI века.

Материалом исследования являются ранние произведения писателя – рассказы и повести, созданные в конце 1970-х и в 1980-е годы и опубликованные в журнале «Полярная звезда», в книгах «Лосиный гон» и «Случайный отстой»:

Авдеев В. На рейде // Полярная звезда. 1982. № 6.

Авдеев В. И. Лосиный гон: рассказы. Якутск: Якутское книжное издательство, 1983.

Авдеев В. И. Случайный отстой: повесть. Якутск: Якутское книжное издательство, 1989.

В связи с поставленной целью выделяются следующие задачи исследования:

- определить периодизацию творчества В. И. Авдеева;
- изучить связь ранних рассказов и повестей В. И. Авдеева с «производственной» прозой;
- выявить специфические черты тематики ранней прозы писателя.

В соответствии с задачами используются сравнительно-сопоставительный, историко-типологический методы исследования.

Теоретической базой являются исследования, рассматривающие отечественную литературу 1970-1980-х гг. (Лейдерман, Липовецкий, 2003), монографии (Лейдерман, 2005; Добренко, 2007), и статьи (Гаганова, 2020; 2022; Гаганова, Польш, 2020), посвященные социалистическому реализму и истории производственного жанра. Поиски авторов «городской» и «деревенской» литературы в интересующем нас аспекте рассматриваются в работе Н. Л. Лейдермана и М. Н. Липовецкого (2003), статье Е. В. Крикливец (2018). Монографии, статьи и рецензии (Пашкевич, 2019; Шеметов, 2007; Шапошникова, 1989) позволяют изучить творчество В. И. Авдеева в контексте развития русской литературы Якутии.

Практическая значимость статьи связана с тем, что результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе в средней и высшей школе при изучении литературы Якутии, в дальнейшем исследовании творческого наследия писателя, при анализе литературного процесса в Якутии на рубеже XX-XXI вв.

Обсуждение и результаты

Владислав Иванович Авдеев (1942-2017) начал свой путь в литературе в последнее десятилетие существования СССР. Первые рассказы писателя были опубликованы в журнале «Полярная звезда» в самом конце 1970-х гг. Впоследствии эти рассказы вошли в первый сборник писателя «Лосиный гон», вышедший в 1983 г. Таким образом, Авдеев пришел в литературу тогда, когда в самой советской литературе происходили значительные изменения. Они были вызваны экономическими, социальными, культурными процессами, определившими специфическую атмосферу позднесоветского времени. С одной стороны, для прозы этого периода были характерны использование традиционных для советской литературы жанровых форм и следование устоявшимся тематическим предпочтениям. С другой – в позднесоветское время уже начинает ощущаться тот надлом литературы социалистического реализма, который ярко обозначился во времена перестройки. Очевидно, что устаревшие каноны соцреализма, традиционные для советской литературы жанровые формы уже не могли дать возможность писателю достаточно адекватно отразить новое содержание, которое было продиктовано изменяющейся позднесоветской действительностью.

В связи со слабой изученностью творческого наследия писателя до настоящего времени не предпринята попытка определить его периодизацию. Между тем творческий путь В. И. Авдеева продолжался более трех десятилетий, в течение которых развивалось мастерство писателя, раздвигались жанровые границы, изменялась тематика произведений. В своем творчестве В. И. Авдеев двигался от рассказа и повести к роману, от производственной и социально-бытовой прозы к остросюжетной форме боевика, к романам на историческом материале. В связи с этим представляется возможным выделить в его творчестве три периода:

- Первый – ранее творчество, конец 1970-х – 1980-е гг., время формирования творческой индивидуальности и поиска собственного пути в литературе.
- Второй период – 1990-е – начало 2000-х гг. В это время писатель обращается к острым социальным проблемам, на основе социально-бытовой повести создает остросюжетные произведения, которые можно определить как литературные боевики, к ним можно отнести такие произведения, как «Страна Адрай», «Илоты».
- Наконец, третий период, начавшийся уже в XXI веке, характеризуется интересом писателя к крупной форме, к истории. В 2000-е гг. появляются романы «На качелях», «Смерть и похороны красноармейца», «Камень заклатья» и другие произведения.

Разумеется, по мере изучения творчества В. И. Авдеева предложенная периодизация может быть уточнена.

В русской прозе Якутии в 1970-1980-е годы преобладали типичные для советской литературы темы и жанры, среди которых значительное место занимал «производственный» жанр, к образцам которого можно отнести произведения Ю. А. Чертова, одного из самых известных русских прозаиков в Якутии в это время (повести «Полет в облаках», «Август – месяц щедрый», роман «Четвертый директор»). Была представлена в русской литературе Якутии и социально-бытовая, психологическая проза, в частности в творчестве того же Ю. А. Чертова (повести «Одинокий волк», «На обочине»), И. А. Ласкова (сборник рассказов «Ивановы») и других писателей. В своих первых рассказах и повестях В. И. Авдеев разрабатывает производственную, семейно-бытовую тематику.

Ранние рассказы и повести писателя были так или иначе связаны с темой, продиктованной профессиональным опытом: с юности В. И. Авдеев был связан с флотом, работал рулевым, трудился в должности механика, затем капитана. И хотя в дальнейшем тематически и в жанровом отношении творчество В. И. Авдеева значительно расширилось, уже в первых рассказах писателя проявились те черты, которые оказались во многом характерны для него впоследствии: в центре произведений писателя всегда находится человек, его жизнь, его радости и горести, удачи и поражения. В ранних рассказах и повестях Авдеева герои повествования – современники писателя, те, кого в советское время принято было называть «труженики»: городские, сельские и деревенские жители, рабочие, речники, инженеры, учителя, представители разных возрастных

групп. Как отмечает И. Шеметов, в этом заключается сильная сторона прозы писателя, ведь «именно показ жизни простого человека, обыкновенного труженика, во всех ипостасях, – важное, особое назначение писателя» (2007, с. 94). Собственно, герой В. И. Авдеева и есть тот самый «простой советский человек» – излюбленный герой советской литературы, человек, совершающий свой трудовой подвиг, покоряющий просторы Севера, осваивающий целинные земли, открывающий дорогу в космическое пространство. Такое понимание человека в советской литературе выкристаллизовывается уже в первые десятилетия советской власти и отчетливо проявляется в классических произведениях соцреализма («Цемент» Ф. Гладкова, «Бруски» Ф. Панферова, «Журбины» В. Кочетова). Однако к завершающему периоду истории советской литературы этот образ значительно трансформировался, потускнел, обнаружил в себе такие черты, о которых едва ли могли подумать классики советской литературы (Гаганова, 2022, с. 141). Процесс этой трансформации мы можем увидеть в ранних рассказах и повестях В. И. Авдеева.

Эта трансформация заключается, среди прочего, в том, что сам образ современника в литературе перестает создаваться только в производственной, трудовой сфере, в изображении его отношения к труду и роли в производстве. Современный герой в прозе 1970-1980-х годов оказывается глубоко погружен в социально-бытовые, семейные проблемы. Черты литературы этого периода ярко выразились в так называемой «городской» прозе, представленной творчеством Ю. Трифонова, В. Маканина, А. Битова, Г. Семенова и других писателей. Сама по себе «городская» проза в социокультурном отношении стала реакцией на изменившееся самоощущение человека в тех социально-экономических и политических условиях, которые сложились во времена позднего СССР, в так называемую «эпоху застоя». Декларируемые советской идеологией ценности, широко представленные в литературе 1930-1950-х годов, перестают восприниматься как актуальные. В самом советском обществе нарастают, пока подспудно, кризисные явления, и это выражается прежде всего как раз в области духовной жизни. Не случайно для «городских» повестей Ю. Трифонова определяющей становится тема «обмена», которую можно интерпретировать как смену, точнее коррозию, нравственных устоев и ориентиров советской городской интеллигенции. В произведениях «городской» прозы герои оказываются перед лицом внутреннего выбора, нравственной дилеммы, они обременены психологическими проблемами, поглощены не столько строительством нового общества, сколько решением вопросов быта. Не случайно проблема так называемого «мещанства» стала одной из центральных в публицистике и литературе этого времени, привлекала внимание читателей, вызывала дискуссии в обществе.

Однако не следует думать, что такое постижение внутреннего облика современника было отражено только в «городской» литературе. Те же черты нравственного неблагополучия, духовной несостоятельности, то же поглощение человека бытом фиксируют и те писатели, которые были представителями не «городской», а так называемой «деревенской» прозы – В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев. Правда, в отличие от писателей-«горожан», у «деревенщиков» был более выраженный этический идеал, который они находили в традиционной народной жизни, в ее устоях, в связи с народным представлением о добре и зле, должном и справедливом. Таким образом, советская литература 1970-1980-х годов чутко зафиксировала те изменения, которые происходили в советском обществе, хотя писатели могли придерживаться во многом разных общественно-политических взглядов. Пристальное внимание к бытовой стороне жизни героя, интерес к этической проблематике, возникающей в сфере производственных отношений, характеризует В. И. Авдеева как писателя, формировавшегося в условиях литературного процесса 1970-1980-х годов и воспринявшего характерные черты русской советской прозы этого времени.

Наряду со значительным вниманием к собственно производственной теме, а она является стрелковой в целом ряде произведений писателя, тематически ранние рассказы и повести В. И. Авдеева представляют собой «житейские» истории, часто основанные на семейно-бытовых конфликтах. На это качество прозы Авдеева обратила внимание А. Шапошникова: «Казалось бы, что особенного можно сказать об обыденщине, лишенной романтики и героизма? Упражняться в наблюдательности, описывая сценки из народной жизни? Писатель Авдеев так не думает. Истории, рассказанные им, всегда поучительны и вместе с тем увлекательны, полны юмора и любви к людям» (1989, с. 107). Так как бытовая сторона жизни, укорененность в ней героев становятся одной из ведущих черт ранней прозы В. И. Авдеева, закономерно, что темы любви, семейных отношений, в целом отношений мужчины и женщины выдвигаются на первый план во многих рассказах и повестях. Несомненно, в этом проявляется сильная сторона творчества писателя, так как мир личных чувств, эмоциональных переживаний «частного» лица близок и понятен значительному числу читателей. Однако эта укорененность в «прозе жизни» имеет и другую сторону: порой автор оказывается слишком поглощен своим материалом, повествованию не достает глубины, рассказываемые истории тяготеют к так называемым «случаям из жизни», то есть Авдееву не удается достичь необходимого художественного обобщения. В то же время следует отметить, что сами черты времени, быта, морального состояния общества и человека показаны в ранних произведениях писателя очень зримо, точно, наблюдательно. В свое время критика отметила как раз эти качества его рассказов и повестей, определив их как своего рода «любовную бытовуху, а иногда и чернуху, во всевозможных вариациях» (На XIII съезде..., 1999, с. 42).

Наиболее интересно здесь то, как в творчестве писателя социально-бытовой и производственный аспект произведения начинают трансформироваться, а трансформируются они в результате изменений, которые происходили в стране во времена застоя и позднее. Сам принцип изображения «засасывающего» быта в контрастном сопоставлении с ощущаемыми героем этическими нормами, что порождало глубокий внутренний

конфликт в литературе «городской» прозы, у В. И. Авдеева несколько изменяется. Изменениям подвергается именно нравственная составляющая этого конфликта, так как сами представления о том, что маркируется как нравственное и безнравственное, доброе и злое, плохое и хорошее, подвергаются коррозии. Имеющееся в наличии, практикуемое в реальности не совпадает с тем образом советской действительности, который утверждается как идеал и норма. Поэтому человек у Авдеева оказывается в парадоксальной, иногда абсурдной ситуации, когда границы добра и зла, плохого и хорошего размываются, они как будто могут меняться местами, перетекают одно в другое, лишая его устойчивой нравственной позиции. Таким образом, обостренное внимание к этической проблематике проявилось уже в первых публикациях писателя (Пашкевич, 2019, с. 10).

Такой непростой мир советского общества и человека изображен в рассказе «Механик Деревцов и спрятанные поршни», герой-речник которого находится в ситуации сложного выбора: произвести ремонт судна как следует или только отчитаться о произведенном ремонте для подписания акта, а не отремонтированные поршни спрятать под слани. Как знает сам механик, это вполне обычная, всем известная практика, которая бытует в реальности, но которой как бы нет в идеальном советском производстве. Начальник отдела поучает Деревцова: «Ты прямо как ребенок... Поршня, поршня... Спрячь их пока под слани. Ну, давай. Не подведи» (Авдеев, 1983, с. 78). Сравнение героя с ребенком тут не случайно, так как Деревцов, сомневающийся в правомерности таких действий, на взгляд начальника, выражает наивную, простодушную точку зрения, не учитывающую реальность. Деревцов, что часто происходит с героями Авдеева, оказывается в ситуации нравственно неоднозначной, требующей выбора, и, как показывает писатель, «простой советский человек» внутренне готов к конформизму, к принятию существующих неписанных правил. Герой рассказа сдается, в последний момент не решается сказать правду, оказывается внутренне сломлен: «Деревцов сразу сник, ослаб и безразлично смотрел, как подписывали акт» (Авдеев, 1983, с. 84).

Еще более нагляден этот производственный, а на самом деле нравственный конфликт в повестях «На рейде» и «Случайный отстой». Обе они рассказывают о речниках, речном флоте, то есть основаны на реальном жизненном опыте автора. Герой повести «На рейде» Мальков назначен капитаном рейдового буксира, и близкое знакомство с жизнью и деятельностью речного порта открывает его глазам неприглядную картину равнодушия, очковтирательства, безразличия к делу, в то время как с трибун на собраниях и во время совещаний в кабинетах начальства произносятся трескучие фразы о рачительности, трудовой дисциплине, перевыполнении плана. В финале повести Мальков, обрадованный перспективой перейти на другой теплоход, испытывает примешанное к радости беспокойство, так как чувствует ответственность за тех людей, которые выступили вместе с ним против начальства: «Постепенно радость исчезла, уступила место беспокойству... он был нужен на “Павлодаре”, а он сидел и думал, что ему делать» (Авдеев, 1982, с. 83). Открытый финал повести не предполагает однозначного решения героем вставшего перед ним нравственного выбора.

Следует отметить, что писатель верно отразил изменение отношения к труду в советском обществе. Как показывают исследования производственного жанра, на этапе завершения его истории «тема труда оказывается способна приобретать смыслы, кардинальным образом отличающиеся от свойственных этапу становления жанра» (Гаганова, Польша, 2020, с. 165). В частности, Е. Добренко (2007, с. 219) выделяет такие изменения в дискурсе о труде, которые происходили в советском искусстве: отвращение к труду, эстетизация труда, поэтизация труда, наконец, на труд начинают смотреть с моральной точки зрения. Это приводит к тому, что перенесение производственного конфликта в сферу ценностных установок позволяет зафиксировать кризисное состояние морали советского общества в позднесоветскую эпоху, в котором постулируемое не совпадает с реально существующим.

Интересна в этом отношении повесть «Случайный отстой», создававшаяся еще во времена так называемого застоя, но напечатанная уже на самом излете советской эпохи, в то время, когда сама производственная коллизия и тем более пафос ее освещения едва ли могли восприниматься как своевременные. По своей сути это производственная повесть о речниках и их труде. Название ее отсылает к практике речного флота: «случайной» называют непредвиденную зимовку судна на не предназначенном для этого месте. В то же время название повести многозначно, так как «случайным» оказывается не только отстой судна, но и та группа людей, которой предстоит подготовить его к следующей навигации. Это бывший капитан судна Антипин, который должен исправить свою ошибку, вызвавшую случайный отстой теплохода, новый назначенный капитан Стадохин и механик Кузаков. Именно эти трое составляют сердцевину коллектива, описание работы которого лежит в основе повествования. Постепенно проявляются характеры героев, прежде всего в их отношении к труду, они демонстрируют либо заинтересованность в достижении результата, либо, наоборот, выказывают равнодушие к общему делу. Так производственный конфликт на самом деле оказывается конфликтом моральным. Если Антипин и Стадохин прилагают все усилия, чтобы спасти судно и подготовить его к навигации, то Кузаков, как и некоторые другие, оказываются в подлинном смысле слова «случайными» людьми. Они заинтересованы только материально, ими движет либо желание заработать, либо стремление хорошо выглядеть в глазах начальства, а сам смысл производственного процесса им безразличен: «Антипин, глядя на Кузакова, подумал: вот вроде все правильно говорит, а слушать противно. <...> Правильно все говорил Кузаков, но таким тоном, словно не возмущало его это, а радовало. Так и хотелось чем-нибудь заткнуть ему рот» (Авдеев, 1989, с. 71). К «случайным» людям относится и Горыныч, направленный на помощь небольшому коллективу. Если главные герои повести Антипин и Стадохин душой болеют за порученное дело, то Горыныч и Кузаков «живут с лютой злобой, что не дают... всякие охочие до работы спокойно жить» (Авдеев, 1989, с. 77).

Герои повести оцениваются по их отношению к делу, не формальному, а сущностному. Кузаков и Горыныч равнодушны, ориентированы на сферу частной жизни, на личные интересы, быт. Они представители того самого «мещанства», которое анализировали авторы «городской» прозы. Антипину по духу ближе другие люди, такие как якут Иван Христофорович, старый человек, который в лютый якутский мороз за двадцать километров ходил проверять оставленный на реке теплоход.

Таким образом, производственная тема занимает важное место в раннем творчестве В. И. Авдеева. При этом в ее интерпретации писатель остается в рамках советской идеологии, выделяя в героях прежде всего такие качества, как ответственное отношение к делу, коллективизм, бескорыстие, в противовес индивидуализму, корыстолюбию, карьеризму. Следует обратить внимание, что герои, подобные капитанам Малькову и Антипину, оказываются вовсе не в большинстве. Результаты их самоотверженной деятельности или даже прямого конфликта со сложившейся системой бесхозяйственности и кумовства не могут изменить положения вещей в целом, так как общество подточено изнутри, прежние ценности потеряли свою привлекательность, воспринимаются как ничего не значащий «идеологический шум» или даже вызывают раздражение.

В. И. Авдеев точно фиксирует приметы эпохи «развитого социализма». Сама производственная тема в прозе В. И. Авдеева лишена того возвышенного пафоса, которым были отмечены произведения производственной тематики 30–50-х годов. Можно утверждать, что именно в сфере производственных отношений литература начинает улавливать черты внутреннего неблагополучия советского общества и человека. В рассказах и повестях Авдеева есть как бы два мира: тот, который декларируется и подразумевается, и другой, настоящий, непарадный мир советских людей – сложный, противоречивый, наполненный массой ограничений и умолчаний, который постоянно подталкивает человека к компромиссу с совестью, выворачивает наизнанку декларируемые общественные нормы и ценности.

Непонимание этого состояния общества, неумение или нежелание учитывать несовпадение официальной идеологии и реальной практики жизни в советском обществе могут обернуться как трагедией, так и курьезом. Первая ситуация показана в рассказе «Лосиний гон». Герой его, обычный городской житель, впервые отправляется на рыбалку с опытными рыбаками. Однако ожидание единения с природой, рыбачьего азарта, интересного общения оборачивается конфликтом и трагедией. Писатель использует архетип «простодушного»: главный герой рассказа бесхитростно верит в ясность и непротиворечивость того мира, в котором живет. На рыбалке он, горожанин, оказывается в непривычной для себя обстановке, чувствует свою неприспособленность к новым обстоятельствам: «В городе, в толчее улиц и тесноте комнат, Петр Иванович чувствовал себя, как рыба в воде, здесь же, наедине с природой, он, по сравнению с быстрым, энергичным, все умеющим делать Виктором, казался себе неуклюжим, беспомощным большим ребенком» (Авдеев, 1983, с. 9). Вскоре герой выясняет, что попал в компанию опытных браконьеров, и оказывается перед дилеммой: стать самому участником преступной группы или встать на сторону рыбинспектора Константина Михайловича, непримиримого и давнего борца с браконьерством. Остроту ситуации добавляет тот факт, что рыбинспектор и один из браконьеров – родные братья, между которыми уже не первый год идет свой непростой, но принципиальный поединок: «Настоящая гражданская война за природу – брат на брата. В этой войне свои герои есть и убитые, а больше всего, конечно, равнодушных зрителей» (Авдеев, 1983, с. 24). В этой ситуации все известные герою нормы поведения оказываются недейственными. С одной стороны, он не хочет быть благодарным гостем, не хочет стать предателем, с другой, он не хочет участвовать в хищническом истреблении природы, не желает быть безучастным свидетелем преступления. Петр Иванович не знает и не понимает, как ему правильно поступить. Из-за неопытности, «простодушия» он всякий раз оказывается в неловкой ситуации: то подводит пригласивших его на рыбалку приятелей-браконьеров, то симпатичного ему рыбинспектора. Перед героем разворачивается настоящая, непридуманная жизнь, которая оказывается гораздо сложнее всего, что было ему известно из простой и понятной прежней «городской» жизни. Обычный советский человек Петр Иванович впервые осознает разительный диссонанс между тем, что на поверхности, что постулируется как норма общественной жизни, и невидимой сложностью советского общества, тем, что происходит на самом деле. Попытка же героя вмешаться в ход событий, предотвратить убийство животного, заканчивается гибелью человека. Финал рассказа оставляет открытым вопрос: оправдана ли смерть человека при попытке защитить жизнь животного? Наряду с поднятой в рассказе проблемой сохранения и сбережения природы автора интересует и социальное неблагополучие общества в целом.

Эта же архетипическая ситуация простодушного обыгрывается в одном из первых рассказов Авдеева о детях – «Мама, а у нас-то», однако в ином, ироническом ключе. Если в «Лосином гоне» инфантильность взрослого заканчивается трагедией, то для ребенка его наивность и неиспорченность, простодушие – это защита от несправедливости мира взрослых. Мальчик Матвей, узнавший от взрослых, что воры – это люди, которые берут чужие вещи, быстро бегает и которых быстро ловят, воспринимает встречу с реальными преступниками как забавную взрослую игру, в которой взрослые «играют в догоняшки, как дети в садике» (Авдеев, 1983, с. 134). В этом рассказе именно простодушие героя позволяет восстановить справедливость. В итоге все складывается удачно для Матвея и его семьи и плачевно, как понимает читатель, для преступников.

В. И. Авдеев не отворачивается от самых неоднозначных, неприглядных сторон советской действительности. Характерен в этом отношении рассказ «Няня», который формально тоже можно отнести к разряду рассказов о детях, как вышеназванный «Мама, а у нас-то». Однако здесь писатель разворачивает сюжет таким образом, что заставляет читателя вспомнить классические рассказы А. П. Чехова «Ванька» и Л. Н. Андреева

«Петька на даче» об отданных «в люди» детях. В этом коротком рассказе В. И. Авдеева показана судьба очевидно несчастного ребенка. Отличие в том, что причиной жалкой судьбы «няни» Клавы является не социальное неравенство бедных и богатых, в значительной степени устраненное в СССР, а одна из социальных болезней, которой было поражено позднесоветское общество, – алкоголизм: «Родилась от пьяницы. Отец-то ее окаянный и по сей день буянит, бог смерти ему не дает, прощелыге... какая уж тут школа. Клаву, девочку-то, за пять лет едва читать и писать научили, и ладно...» (Авдеев, 1983, с. 146). Как и в произведениях классиков русской литературы, Клава является жертвой равнодушия и жестокости взрослых: выгнавшая девочку хозяйка озабочена только своими чувствами: «Так разозлиться из-за какой-то дурочки! Он совсем не любит меня» (Авдеев, 1983, с. 155), ее муж, возмущившийся было жестокостью супруги, «попросил у жены прощения и по ее приказанию сказал Клаве, чтобы больше не приходила» (Авдеев, 1983, с. 155).

Однако постепенно собственно производственная тематика отступает на второй план. Все большее место у Авдеева начинают занимать рассказы, в которых на первом плане сфера человеческих, личных, частных отношений. Уже в произведениях, опубликованных в 1980-х годах, «соцреалистический», производственный пласт словно бы начинает выпадать из текста и остается собственно человеческая жизнь, осмысливаемая уже без привязки к нормативным требованиям советской идеологии. Эти черты проявляются в таких рассказах, как «Серебряная свадьба», «Мистер Икс из рабочего поселка», «Всего трое суток», «Шкипер». Впрочем, и в повестях «На рейде» и «Случайный отстой» эта тема тоже занимает большое место. Однако можно заметить, что, в отличие от более компактных по объему рассказов, в повестях мир производственный и мир личный, бытовой не составляют единого целого, они как бы существуют каждый сам по себе, хотя и позволяют, конечно, более зримо показать главных героев. Писатель описывает личную жизнь героев, как правило, во временной ретроспекции, читатель узнает основные события из их прошлой жизни, обычно непростой, запутанной. Это приводит к тому, что герой Авдеева чувствует что-то не случившееся, не сбывшееся в жизни, как герои рассказов «Шкипер» и «Всего трое суток». Сюжетом рассказа может быть необычная, странная ситуация, как в рассказах «Мистер Икс из рабочего поселка», «В тихом омуте». В. И. Авдеев создает и остросюжетные рассказы, например «Двойник», где он развивает почти детективную историю, однако и тут главное для него не сам сюжет, а оценка нравственного состояния человека и общества: «Откуда жадность такая в людях берется, и с каждым годом все страшней? Потребности растут, как лавина, одна рождает десять, те сотню и этому нет конца. Вот живет человек – нормальный, как все, и вдруг – словно заразу какую схватил, хапает, хапает, а сам – как бездушный пес на своем добре, всех кусает без разбора. Хорошо живут, а все равно воруют» (1983, с. 130).

Заключение

Таким образом, можно прийти к выводу, что уже в раннем творчестве В. И. Авдеева проявились основные тематические предпочтения и основной круг проблем, которые будут развиваться автором в последующих произведениях. Как писатель В. И. Авдеев формировался в русле развития позднесоветской литературы, в его рассказах и повестях 1970-1980-х годов отчетливо проступают черты советской прозы этого периода. В обостренном внимании к проблемам нравственного выбора, в целом к проблемам социального, духовного неблагополучия общества видны те черты, которые сближают прозу Авдеева с «городской» повестью и «деревенской» литературой. В это время писатель ищет свою тематику, стремится к жанровому разнообразию. Произведения В. И. Авдеева данного периода несут в себе характерные черты советской производственной, социально-психологической прозы. Однако жесткие рамки соцреализма не позволяли в полной мере отразить ни внутренние интенции и возможности автора, ни все ускорявшиеся в 1980-1990-е годы изменения в обществе. При этом опробованные писателем формы социально-психологической, производственной прозы с существенными чертами бытописательной литературы оказались вполне способны вместить новое содержание, продиктованное постсоветской действительностью 1990-2000-х гг.

На наш взгляд, перспективы дальнейшего исследования творчества писателя должны предполагать изучение трансформации социально-психологической прозы В. И. Авдеева в этот период, изменения ее тематики и жанрового разнообразия.

Источники | References

1. Гаганова А. А. «Маленький человек» производственного романа и хронологические границы жанра // Филология и культура. 2022. № 1 (67).
2. Гаганова А. А. Образ героя и эволюция темы труда производственного романа // Молодой ученый. 2020. № 9 (299).
3. Гаганова А., Поль Д. Эволюция темы труда в производственном романе // Филология и культура. 2020. № 1 (59).
4. Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
5. Крикливец Е. В. Социально-психологическая повесть в русской и белорусской прозе второй половины XX века // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. 2018. Т. 28.
6. Лейдерман Н. Постреализм: теоретический очерк. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2005.

7. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950-1990-е годы: в 2-х т. М.: Академия, 2003. Т. 2.
8. На XIII съезде писателей Якутии // Полярная звезда. 1999. № 1.
9. Пашкевич О. И. Северная ментальность в русскоязычной прозе Якутии // Алисин В. В., Литвинский В. М., Пашкевич О. И. Развитие науки и образования: монография. Чебоксары: Среда, 2019.
10. Шапошникова А. В начале пути // Полярная звезда. 1989. № 1.
11. Шеметов И. Желание высказаться... (о прозе Владислава Авдеева) // Полярная звезда. 2007. № 4.

Информация об авторах | Author information

RU**Емельянов Игорь Степанович¹**, к. филол. н.¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск**EN****Emelianov Igor Stepanovich¹**, PhD¹ North-Eastern Federal University in Yakutsk¹ krzl@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.07.2023; опубликовано online (published online): 31.08.2023.

Ключевые слова (keywords): Владислав Авдеев; литература Якутии; производственная тема; социально-психологическая проза; Vladislav Avdeev; literature of Yakutia; industrial theme; socio-psychological prose.